

О ЗНАЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Шашлова Екатерина Игоревна – кандидат философских наук, доцент. Южный федеральный университет. Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42; e-mail: eishashlova@sfnu.ru

В статье анализируется историческая эпистемология и понятие исторического априори. Французская историческая эпистемология предстает в своем узком значении в виде традиции французской философии. Предлагается рассматривать историческую эпистемологию не как релятивистскую концепцию истории и философии науки, но как стратегию против нормативности знания, его легитимации и иных способов установления истины.

Ключевые слова: историческая эпистемология, Мишель Фуко, историческое априори, релятивизм, нормативность, легитимация, Гуссерль

ON THE MEANING OF HISTORICAL EPISTEMOLOGY FOR CONTEMPORARY PHILOSOPHY OF SCIENCE

Ekaterina Shashlova – PhD in Philosophy, assistant professor. Southern Federal University. 105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: eishashlova@sfnu.ru

The article analyzes historical epistemology and the notion of historical a priori. French historical epistemology appears in a narrow sense as a tradition within French philosophy. I will consider the tradition of historical epistemology not as a relativistic approach towards history and philosophy of science, but as a strategy against the standard view on normativity and legitimation of knowledge.

Keywords: historical epistemology, Foucault, historical a priori, relativism, normativity, legitimation, Husserl

Центральное понятие в статье Л.В. Шиповаловой – историческая эпистемология. Однако непонятно, что такое *современная* историческая эпистемология и каковы ее границы? Если, отвечая на вопрос «Стоит ли науку мыслить исторически?», обратиться к эклектичному образу исторической эпистемологии, вбирающей в себя практически все современные концепции теории познания от О. Конта до Б. Латура, то можно упустить специфику каждой частной аргументации. Представляется, что речь идет об исторической эпистемологии, описываемой И.Т. Касавиным, который называет историческую эпистемологию «неотъемлемым ракурсом всякого философского взгляда на познание» [Касавин, 2005, с. 7]. Исходя из этого предельно широкого основания, вопрос Л.В. Шиповаловой теряет свой смысл.

Шестидесятые годы XX в. указываются исследователями как начало исторического анализа в философии науки Т. Куна, его последователей и оппонентов. Однако в это же время были сформированы иные парадигмы исследования знания, демонстрирующие релятивизм/скептицизм как альтернативу поиска истины в качестве

конечного результата познания. К этим новым парадигмам можно отнести П. Бергера и Т. Лукмана, описавших механизм институционального конструирования любого типа знания и способы его легитимации, а также археологические и генеалогические исследования Фуко, закрепившие французскую историческую эпистемологию на поле философии науки.

Само выражение «историческая эпистемология» в качестве наименования французской традиции появляется в 1969 г. книге Д. Лекура, который позаимствовал его у Ж. Кангилема, описывающего философию науки Г. Башляра. Между тем Л.В. Шиповалова использует предельно широкую трактовку данного термина, даже когда говорит о его узком значении.

Солидаризируясь с автором в необходимости обращения к исторической эпистемологии, мы попытаемся показать, что понятие исторического априори является ключом к пониманию того, почему такого рода подход к истории науки сопровождается страхом перед «опасностями» и «безжалостностью историцизма». Но хотелось бы еще более радикально определить значимость исторической эпистемологии, которая, на наш взгляд, заключается не в релятивизации научных истин, а в отказе от истинности и в противостоянии нормативности научного знания.

Л.В. Шиповалова касается понятия исторического априори, говоря об исторической эпистемологии в широком смысле: «Априори трансцендентализма здесь становится историческим априори, описание трансформаций и генезиса эпистем дополняет их предположение в качестве предпосылок познания». С точки зрения Фуко, историческое априори демонстрирует историчность самого трансцендентального априори. Историческое априори у Фуко не дополняет трансцендентализм, а отрицает его. Именно поэтому сторонники трансцендентализма и априоризма в кантовском, даже в феноменологическом смысле могут критиковать историческую эпистемологию за историцизацию того основания, которое само было призвано выступить основой всякого познания, в том числе и исторического. Действительно, историцизм в познании способствовал релятивизации универсальных понятий, лишив их сущностной и необходимой вневременной основы. Об этом пишет Гуссерль в статье «Философия как строгая наука»: «...историцизм рождает к жизни релятивизм, весьма родственный натуралистическому психологизму и запутывающийся в аналогичные же скептические трудности» [Гуссерль, 2005, с. 222]. Представляется, что «сторонники» исторической эпистемологии, схожим образом определяющие зависимость релятивизма от историцизма, вторят Гуссерлю и не оставляют места продуктивной критике априорного познания.

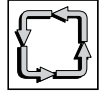
И.Т. Касавин говорит об историческом априори у Гуссерля, стоящем в одном ряду с универсалиями культуры Шпенглера и эпистемами Фуко [Касавин, 2005, с. 11]. Однако Гуссерль не релятивизирует априори. Понятие «Априори истории» не лишает само «априори» его сущностного значения. За каждым историческим фактом обнаруживаются не только исторические инварианты, но и абсолютное Априори. В заключение анализа понятия «Априори истории» в работе «Начала геометрии» Гуссерль пишет: «Примем как абсолютно достоверно следующее: окружающий человека мир является в сущности все тем же, сегодня и всегда» [Гуссерль, 1996, с. 245]. В противоположность этому, историческое априори у Фуко демонстрирует, что существуют только лишь исторические единичности. Нет никакой сущности (или априори, пусть и «Априори истории», в гуссерлевском смысле) за единичными фактами, которые мы обнаруживаем в ходе исторического исследования.

Употребляемое Л.В. Шиповаловой понятие исторического априори скорее всего отсылает к определению И.Т. Касавина, которое основывается на истории культуры. Такое смешение под «историческим априори» позднего Гуссерля, Шпенглера и Фуко, лишает историческую эпистемологию ее реального значения и содержания.

На наш взгляд, слишком широкое определение исторической эпистемологии не позволяет Л.В. Шиповаловой показать, в чем же заключается достоинство «опасных» исторических исследований в науке. Историческая эпистемология дает нам пример критики оснований познания, заставляя сомневаться в собственных обобщениях и универсализациях. В этом и состоит задача исторической эпистемологии: показать средствами исторического анализа, что за истинами науки нет вневременных сущностей.

Такой аспект исторических исследований связан с вопросом о ценностях и нормах в науке. Автор статьи помещает в заглавие вопрос, который продиктован возможностью встречи с «опасным релятивизмом», «безжалостным историзмом» и прочими радикальными версиями истории науки. Анализируя современные российские исследования в области эпистемологии и философии науки, можно отметить, что именно такого рода оценочная терминология сопровождает включение современного зарубежного эпистемологического дискурса в поле отечественной истории науки.

Продуктивный путь анализа исторической эпистемологии, соответствующий современным социально-политическим исследованиям знания и науки, помещает саму историческую эпистемологию в социальный контекст и вычленяет механизмы ее институционального и политического формирования. Институциональное в таком случае следует понимать в духе социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана, а политическое в смысле постфукольдианских исследований власти. Под таким углом зрения мы обнаруживаем, что историче-

ская эпистемология, как и любой другой способ анализировать историю науки, подчиняется политике знания (или власти-знания), но в первой половине XX в. она начала выполнять критическую функцию по отношению к самому анализу науки. Причем историческую эпистемологию М. Фуко следует назвать критикой самой этой критики.

Так чем же опасен релятивизм и историзм? Л.В. Шиповалова пишет, что «историзм грозит оказаться “безжалостным”, ставя под вопрос научное знание как ценность культуры и возможность практических действий на нем основанных». Можно возразить против этого утверждения, что историзм не ставит под вопрос культурную ценность научного знания, но наоборот, трактует науку как одну из ценностей культуры; историзм не ставит под сомнение возможность практических действий, основанных на научном знании, но утверждает историческую обусловленность категорий и понятий. Историки науки добились лишь того, что научное знание лишилось таких критериев, как априорность и абсолютная истинность, эти последние понятия скорее будут характеризовать неверифицируемое и нефальсифицируемое знание.

Самым ярким аргументом против «опасности» релятивизации научного знания является развитие естественных наук, не только принявших множество релятивистских постулатов (неэвклидовы геометрии, теория относительности в физике, конвенциональный характер разнообразных таблиц периодических систем химических элементов и пр.), но и совершающих открытия на основе этих постулатов. Все эти оценочные понятия «опасность релятивизма», «безжалостный историзм» и пр. возможны именно в области философии науки, особенно у тех ее представителей, кто направляет свой анализ на защиту универсальных ценностей и нормативности. Такое обоснование становится не логическим, но «политическим» аргументом, не имеющим реальной связи с современными научными исследованиями. В социальных науках «политическая аргументация» защитников эссенциализма и универсализма более очевидна и проявляется в самой методологии социальных наук. И именно о такого рода «политическом» характере знания говорит историческая эпистемология, призванная развенчать иллюзию чистых априорных оснований науки. В этом смысле историческая эпистемология встроена в общую критическую тенденцию, присущую философии XX в. Поставленный автором вопрос: «Стоит ли науку мыслить исторически?», на наш взгляд, является отражением этого философского страха перед разрушением трансцендентализма и априори, которое собственно и свершилось, закрепившись в многообразных неклассических «радикальных» концепциях истории знания и философии науки.

В настоящее время термин «радикальный» имеет негативный оттенок, это связано с противостоянием нормативности и с социально-политическим характером самой эпистемологии, но не в том смысле,

о котором пишет Л.В. Шиповалова («способы организации научной деятельности»), а в смысле социальных условий формирования знания и социальной сущности знания, а также в значении политики научного дискурса.

Следует упомянуть, что нормативность является тем ключевым моментом, отсылающим к проблеме опасности релятивизма, который посредством разрушения априорных оснований исключает норму в самом широком смысле из перечня критериев научного знания. И здесь снова стоит упомянуть французскую традицию исторической эпистемологии, в которой Ж. Кангилем формулирует проблематику современного научного знания вокруг понятия нормы.

Мы видим, что дискурс об опасностях релятивизма характеризуется неприятием отказа от нормативности как критерия научного знания. Нормативность и легитимация – понятия, неотделимые от критического анализа науки в исторической эпистемологии. Таким образом, можно заключить, что неотъемлемой характеристикой исторической эпистемологии является не релятивизм в вопросе оснований познания, а нечто более ценное – борьба против установления истины путем институциональной легитимации или другой формы политики знания.

Список литературы

Гуссерль, 1996 – Гуссерль Э. Начала геометрии // Гуссерль Э. Начала геометрии. Введение Ж. Деррида. М., 1996. С. 210–245.

Гуссерль, 2005 – Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Избр. работы / Сост. В.А. Куренной. М., 2005. С. 185–240.

Касавин, 2005 – Касавин И.Т. Эпистемология и историческое сознание // Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 5. № 1. С. 5–14.

Lecourt, 2016 – Lecourt D. Georges Canguilhem. 2-ème éd. P.: PUF, 2016. 128 p.

References

Husserl E. “Nachala geometrii” [The Origins of Geometry], in: Husserl E. *Nachala geometrii. Vvedenie Derrida* [The Origins of Geometry. Introduction by J. Derrida]. Moscow: Ad Marginem, 1996, pp. 210–245. (In Russian)

Husserl E. “Filosofiya kak strogaya nauka” [Philosophy as Rigorous Science], in: Husserl E. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, 2005, pp. 185–240. (In Russian)

Kasavin I.T. “Epistemologiya i istoricheskoe soznanie” [Epistemology and historical consciousness], in: *Epistemology & philosophy of science*, 2005, vol. 5, no. 1, pp. 5–14. (In Russian)

Lecourt D. *Georges Canguilhem*. 2-ème éd. P.: PUF, 2016. 128 pp.